

— Ты только что назвала их мусором? – спрашивает Лиз, нахмутив брови.

— Да, так и есть, – отвечаю я, моя улыбка яркая и непоколебимая.

Когда её глаза смотрят прямо в мои, я замечаю, что её зрачки расширены; доказательство того, что её симпатическая нервная система сейчас в овердрайве.

— Только не говори мне... Ты сейчас пытаешься защитить этих девушек? Даже после всего, что они сказали о тебе? – подначиваю я её. Затем я улыбаюсь и добавляю: — И, кстати, я не говорила, что они мусор. Я сказала, что они хуже, чем мусор.

— То, что они сделали, возможно, и было плохо, но это не делает их мусором! – восклицает Лиз, пытаясь испепелить меня взглядом.

— Боже, какие по-настоящему трогательные слова~

— Ты издеваешься надо мной?

— Конечно же нет. Я в ужасе от того, что ты так думаешь. Напротив, я тебя хвалю. Защищать негодяев, которые оскорбляли тебя несколько минут назад, – это не то, что может сделать кто угодно. Я, конечно, не смогла бы этого сделать.

— Не то чтобы я их простила... Просто я злюсь, что ты сравниваешь их с мусором, – объясняет Лиз, на этот раз держа громкость своего голоса под контролем.

...Она права. Даже мне кажется, что я, возможно, зашла слишком далеко, назвав их так. Хотя, даже если ты будешь пытаться меня, я, конечно, никогда не признаюсь в этом вслух. Сейчас у меня нет другого выбора, кроме как придерживаться своих ранее сказанных слов.

Сделав небольшой вдох, я снова сосредотачиваюсь на разговоре.

— Ну... Они тебе не нужны, да?

— Кто?

— Эти девушки, – уточняю я, позволяя своему взгляду переместиться на всё ещё не приходящую в себя группу.

На лице Лиз появляется обеспокоенное выражение, хотя этого и следовало ожидать. Даже Святая не может с лёгкостью сказать, что такие женщины, как они, являются жизненно важной частью общества.

— Они на том же уровне, что и мусор... На самом деле они сами виноваты, что стали такими. После того, что они сделали, обращаться с ними как с таковыми не совсем уместно, – шепчу я. Мой голос холодный, бесчувственный, и мой взгляд, лишённый сочувствия, скользит по девушкам.

А девушки, со своей стороны, вообще никак не реагируют на мои слова. На их лицах нет следов гнева, печали или обиды. Выражение их лиц остаётся пустым, как у безжизненных кукол, глаза расфокусированы.

В течение последних нескольких минут единственная "искра", которую я видела в них, была, когда Лиз начала их защищать. Это была не надежда, а больше похожее на благодарность. Слезливая признательность.

...Что, честно говоря, для меня является лучшим развитием событий. Если число последователей Лиз увеличится, я могу только радоваться этому. Хотя, это немного беспокоит, что они превратились в её последователей благодаря силе невежественных тонкостей Лиз, промывающих им мозги.

— Это правда, что то, что они сделали, может быть ужасно...

— Может? Это было ужасно.

— Но... Это не делает их мусором. Они не мусор.

— Хм-м, ты так думаешь? Но на твоём месте я бы уже выбросила их.

— Почему ты так говоришь?

Внезапно Лиз посмотрела на меня, её глаза полны сострадания.

А-а? Что могло побудить её так на меня посмотреть?

— Они уже обдумывают свои действия. Нет абсолютно никаких причин делать что-то ещё, – спокойно говорит мне Лиз.

Судя по общей атмосфере в классе, я могу сказать, что все остальные, похоже, также разделяют её мнение.

— Лиз, тебе не кажется, что ты слишком много внимания уделяешь хорошей стороне каждого человека?

— А что в этом плохого? Очаровательный человек – это тот, кто находит хорошее в других!

— Что это за чушь? Ты что, идиотка~? Очаровательный человек находит хорошее в других? Ха! Если ты слепа к чужим недостаткам и слабостям, ты никогда не выиграешь войну, неужели ты не понимаешь? Вместо того, чтобы тратить здесь попусту время, почему бы тебе не пойти в монастырь и не стать монахиней? – произносит вызывающе Мел, и её маниакальный смех наполняет весь класс.

— Мел, это грубо по отношению к монахиням, – отчитывает её Гиллес, при этом его лицо остаётся совершенно бесстрастным.

— Эх-х~? Тогда, как насчёт... стать ангелом?

— Вот это гораздо лучше. И если она станет ангелом, разве это не делает Алисию дьяволом?

— Но знаешь, эта аналогия заставляет задуматься... Кто здесь дьявол, а кто на самом деле ангел~?

— Верно. В этом ты права.

— Вы двое хорошо ладите, – замечает Генри, наблюдая за их перепалкой.

Если ты потрудишься прервать их, я бы хотела, чтобы ты сказал что-нибудь, что могло бы заставить их замолчать.

Хотя, теперь, когда он упоминает об этом, Гиллес действительно, похоже, открыл своё сердце Мел. У меня почему-то возникает ощущение, что эти двое сейчас на одной волне.

И благодаря их блестящей маленькой интерлюдии всё то восхитительное напряжение, которое накопилось в комнате, теперь почти что исчезло.

Я пыталась завязать разговор, чтобы Лиз поняла, что мир состоит не только из хороших людей, но в конце концов отвлеклась на них.

Но эти девушки прогнали насквозь. Я уверена, что у меня будет ещё один шанс поднять этот вопрос, когда они снова начнут плести интриги.

— Если ты не против, то я пойду, – говорю я, ярко улыбнувшись Лиз.

Эрик усмехается, и его густой голос, наполненный враждебностью, эхом разносится по классу:

— Значит, ты убегаешь?

— Что ты только что сказал? Я убегаю? Как нелепо. От чего я могу убежать?

— Так как Лиз всегда прилагает усилия, чтобы видеть в людях только хорошее, все её любят. Но ты никогда ни в ком не видишь хорошего, поэтому убегаешь. Ты, наверное, ревнуешь, видя кого-то с таким чистым и прекрасным сердцем, в отличие от твоего мёртвого, чёрного, – насмехается Эрик, его глаза впиваются в мои, странно блестя.

Клянусь, в один прекрасный день его глаза такими и останутся, потому что он так смотрит на меня каждый раз, когда мы видимся... Неужели ему так нравится Лиз?

Эрик медленно, угрожающе сокращает расстояние между нами, его грудь вздымается, а на губах появляется усмешка.

Угх, и что же он пытается сейчас сделать? Такое чувство, что я каждый раз оказываюсь втянутой во всякие неприятные события. Каждый. День.

Тяжело вздохнув, я поворачиваюсь к нему, готовая встретиться с ним лицом к лицу.

<http://tl.rulate.ru/book/39408/1421462>